

ПО СЛЕДАМ ЛИТОВСКОГО ИЕРУСАЛИМА

[Генрих Аграновский, Ирина Гузенберг. *Вильнюс: по следам Литовского Иерусалима. Путеводитель.*

Вильнюс: Государственный еврейский музей им. Виленского Гаона, 2011. 655 стр.]

Вильнюсу, можно сказать, везло на оригинальные, вдохновленные этим городом путеводители, принадлежавшие часто перу писателя: польские – Яна Клоса, Витольда Хулевича, Люциана Рыделя, современный литовский – Томаса Венцловы. Хороший путеводитель читается так же, как хорошая книга.

Новый объемный путеводитель знакомит читателя не с Вильнюсом вообще, но рассказывает об одном из многих обликов этого города нескольких национальных традиций. Он посвящен еврейскому Вилнэ.

Литовский Иерусалим стал легендой. Прежде, чем рассказать о книге-путеводителе, посвященной городу, напомним об этом. Вильно – или, на идише, Вилнэ – был признанным духовным центром европейского значения. Уже в XVII в. это был центр раввинской учености (община сложилась раньше). Во второй половине XVIII в. в городе жил знаменитый Виленский Гаон – Элияху бен Шломо Залман (1720–1797), раввин и талмудист, приобретший авторитет и славу как один из духовных наставников еврейства. В Вильно было множество синагог, главная из них так и называлась – Большая синагога, иешив,

бейт-мидрашей, позднее – раввинская семинария; типографии. Влияние Вильно в еврейском мире сохранялось и в XIX – начале XX вв. В славившийся традиционным укладом Вильно проникали и новые веяния: развивалась светская литература еврейского Просвещения. Верность же традиции создавала особую атмосферу, которую чувствовали и уважали. Известная мемуаристка Полина Венгерова, проживавшая в этом городе в начале 1860-х гг., вспоминала: «Когда мы прибыли в Вильну, город еще сохранял свой старый колорит. Политически это был жандармский участок, а в культурном отношении – поскольку дело касается евреев – цитадель еврейской духовной аристократии. <...> Вильна, оплот талмудической учености, город великой общины с ее многочисленными школами и знаменитым синагогальным двором, где сотни старых и молодых людей днем и ночью штудировали Талмуд, эта Вильна производила сильное впечатление на поклонников современности. И они не отваживались публично хвастать своей “просвещенной безрелигиозностью”» («Воспоминания бабушки»). Конец XIX – начало XX вв. стал и временем расцвета литературы на ив-

рите и на идише. В 1890-е гг. здесь был основан Бунд; в 1910-е гг. Вильно стал центром сионистского движения. Здесь выходили многочисленные еврейские газеты и журналы, работало Историко-этнографическое общество (основанное С. Ан-ским), в 1925 г. был основан ИВО – научно-исследовательский институт по изучению культуры и языка идиш, молодые литераторы и художники объединились в «Юнг Вилнэ». Здесь названы лишь некоторые из основных вех жизни города.

Книга, о которой идет речь, уникальна в нескольких отношениях. Изложение опирается на источники: архивные и фотоархивные материалы, исторические и мемуарные книги и рукописи на разных языках; на них даются ссылки. Иллюстративный материал – очень обширный – также научно выверен, изображение на неатрибутированных фотографиях идентифицировано. Есть здесь и вся необходимая информация – она помещена в *Приложении*: статистические сведения о численности еврейского населения Вильнюса в разное время; список названий некоторых улиц (это очень важно: ведь улицы на протяжении истории города переименовывались несколько раз); словарь еврейских терминов и понятий; указатели имен и объектов, источников и литературы. А также список современных еврейских организаций в городе.

Хочется здесь же особо сказать об иллюстрациях: их многочисленность и качество поражают воображение. Отдадим здесь должное издательству «VILNIA», которое, как указывается, их подбирало, готовило к печати, макети-

ровало книгу. Его сотрудниками сделаны и многие современные фотографии. Отметим и прекрасную полиграфическую работу высокого качества.

Все названные особенности способствовали созданию книги, значительно превосходящей обычный путеводитель. Перед нами научное издание, написанное историками и при этом сохраняющее всю непосредственность, естественность живого разговора с читателем, которому показывают еврейский Вильно.

«Путеводитель по памятным местам еврейской истории и культуры – это не изложение истории вильнюсской еврейской общины в ее последовательном развитии. Это скорее пестрый калейдоскоп событий, имен, фактов, так или иначе связанных с Вильнюсом – его улицами, домами, кварталами. Частично разрушенные или переименованные, перестроенные или полностью сохранившиеся, эти дома, улицы и кварталы готовы немало поведать о себе. В путеводителе мы пытаемся воссоздать облик города в основном в контексте истории вильнюсских евреев. Во время прогулок по следам Литовского Иерусалима наше внимание будут привлекать не величественные храмы и пышные дворцы, которыми так славится Вильнюс, а обычные городские кварталы, узкие улочки Старого города, сохранившаяся еще кое-где деревянная застройка бывших предместий», – пишут авторы (с. 17).

С ними можно согласиться лишь отчасти. Да, во вводном разделе они сжато (но при этом весьма содержательно) излагают историю еврейской общины,

отмечая значительные ее вехи. А затем в каждом из 23-х маршрутов к этому добавляются разнообразные сведения, имена людей, их биографии. Дома населяются, и история наполняется тем разноголосым «шумом времени», который хорошо различают авторы этой книги в современном гомоне улиц и шуршании автомобильных шин. Они описывают город с глубоким знанием и любовью. Эта книга принимает в свое поле, и ты, читатель, сопереживаешь тому, что в ней описано.

Здесь все строго документально – это и привлекает, и вызывает благодарное чувство. Ведь когда видишь старую фотографию какого-либо городского уголка, а рядом с ней – современную, сделанную с того же, тщательно выверенного, «пойманного» ракурса, – это волнует по-особенному. Радует, что сохранилась часть улицы, дом, пусть и перестроенный. Но узнаваемый! Как и уникальные вильнюсские дворики, которые недаром так любили рисовать художники и описывали писатели. Особенностью Вильно были проходные дворы (сквозные проходы между улицами), поэты сравнивали их с кровеносными сосудами: «...старые вены клоуз и проходных дворов / бодрствуют и звенят, как усталое, запыленное сердце» (М. Кульбак, *Вилнэ*). И по таким, и по другим дворам неутомимо ведут нас авторы: «Пока еще эти дворы выглядят довольно архаично, они еще помнят разноязыкий говор своих многочисленных довоенных жильцов – поляков, литовцев, евреев, белорусов, русских; голоса играющих во дворах детей; переругивания хозяек; запах рыбы по пятни-

цам» (с. 324). Но старые дома ветшают. «Неумолимое время стирает все следы: после капитального ремонта (если какой-либо дом в этих проходных дворах его дождется) из дома уходит его душа, исчезает дух прошлых поколений» (с. 324). Сохранится ли память?

В этой книге множество имен – и в этом также достоинство авторов: они сообщают историю жизни каждого упомянутого человека, будь то много сведений, будь то мало, если они почти не сохранились. За именами не просто сюжеты, а человеческие судьбы. Порой невероятные, часто трагические. Впрочем, о трагедии мы помнить не перестаем, эта память заполняет подтекст описания самых благополучных лет еврейского Вильно, она всегда с нами, как пепел Клааса. А когда рассказывается о гетто в войну, вспоминаются строки «...Встань и пройди по городу резни...» Хаима Нахмана Бялика. Сейчас эти строки из поэмы «Сказание о погроме» говорят нам, к несчастью, не только о Кишиневском погроме...

Когда видишь это огромное число сохранившихся и не сохранившихся зданий еврейского Вилнэ – жилых, учебных, торговых, ремесленных, редакций и типографий, концертных залов, библиотек, – которые были полны детей и взрослых, еще не так давно полны жизни и движения... Что сказать?... Разве что повторить сказанное историком Анри Минчелесом о еврейском Вилнэ: уничтожен целый мир, целая цивилизация.

Польский поэт Чеслав Милош, вспоминая Вильно своей молодости и размышляя о том, что принесла в судьбу

города война, высказал убеждение, что «дух какого-либо города сохраняет все, что в нем происходило, и даже все, что в нем случится»: «Понары, место прогулок филоматов, а для меня место наших прогулок и гимназических, и университетских лет, навсегда уже останутся символом преступления. <...> Вильно называли “милым городом”, оно было им и для меня, но дух его помнит о полностью уничтоженном “Северном Иерусалиме”» (Ч. Милош, *Поиск отчизны*).

Помнят камни. И это действительно так. Камни также имеют свою судьбу, как те, что были надгробьями на еврейском кладбище, а потом, в послевоенное время, были сняты с могил и использованы в строительстве монументальных городских лестниц, уложены в фундаменты (удивительно: как до такого додумались?..). Теперь часть этих надгробных камней извлечена, и они стали памятником старому кладбищу, памятником самим себе. Так камни заговорили. Они говорят своими надписями-именами и всей своей судьбой, теперь известной. Мы привычно сочетаем слова «камень» и «память». Но камень и память соединены уже в первой книге Торы: «И встал Яков рано утром, и взял

камень, что сделал своим изголовьем, и поставил его памятником...» (Брейшит 28:18).

О еврейском городе в путеводителе рассказывается с человеческой теплотой – и это, как мне кажется, единственно верный тон. Авторы Ирина Гузенберг и Генрих Аграновский не только обладают глубокими, точными и пространными знаниями о городе, но и чувствуют духовную ауру Вилнэ, душу его повседневной жизни, умело передавая эти ощущения читателям.

Куда же ведут следы, оставленные Литовским Иерусалимом на городских улицах, на «желтых переулках гетто»? В Понары?

...Где свитки древние, прозревшие судьбу?

Где семисвечья? Воздух песнопений, надышанный десятком поколений?

Он в небеса уходит, как в трубу.

(Марк Шагал, *Виленская синагога*.

Пер. с идиша Льва Беринского).

Думается мне, по старым плитам, по гладкому булыжнику – от тех старых улиц и дворов они ведут нас ввысь, поднимая туда, где Идише гас (Еврейская улица) Вилнэ вольется в Рехов ha-ehudim (Еврейскую улицу) вечного и нового, единственного Иерусалима.

Валентина Брио,
Иерусалим